

А.Ю. Внутских

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОГРАММЫ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ: ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПРИМЕНЕНИЕ

Анализ категорий «парадигма» и «научная исследовательская программа», являющихся базовыми для современной философии и методологии науки, демонстрирует существенные различия в содержании как самих этих понятий, так и в характеристиках альтернативных моделей развития науки, предложенных Т. Куном и И. Лакатосом. Показано, что многообразие конкурирующих исследовательских программ особенно характерно для социально-гуманитарных наук. Однако будучи научными, все они должны рассматриваться в качестве элементов общенаучной «реалистической парадигмы». Последняя же в рамках современной гуманитаристики представлена двумя крупными исследовательскими программами: натуралистической и культур-центристской. Определена специфика данных программ. Приводится эмпирический материал, характеризующий особенности их применения современными учеными-гуманитариями.

Ключевые слова: научная парадигма, научная революция, научная исследовательская программа, натурализм, культур-центризм.

Без сомнения, категории «парадигма» и «научная исследовательская программа» являются базовыми для современной философии и методологии науки. Целью данной статьи является прояснение содержания этих понятий, которые нередко воспринимаются как синонимичные, а также выявление особенностей практической работы современных исследователей в формате альтернативных программ социально-гуманитарных наук.

Как известно, один из основоположников современного науковедения Томас Кун называл *парадигмами* общепризнанные научные достижения, которые дают научному сообществу модель для постановки проблем и их решения, фактически направляя ход развития «нормальной науки» [1, с. 17]. Однако Кун утверждал, что вопросы выбора парадигмы в эпоху *научной революции* являются скорее предметом социальной психологии, поскольку они «никогда не могут быть четко решены исключительно логикой и экспериментом» [1, с. 132]. Имре Лакатос, ученик основоположника критического рационализма Карла Поппера, поддержал учителя в споре с Куном, разработав модель «утонченного фальсификационизма». В пику Куну Лакатос предложил «рассматривать научные революции как рационально реконструируемый прогресс знания, а не как обращение в новую веру» [2, с. 11]. Лакатос ввел понятие *научных ис-*

© Внутских А.Ю., 2014

Внутских Александр Юрьевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и права, ФГБОУ ВПО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет»; e-mail: avnut@inbox.ru.

следовательских программ, которые понимал как значительные последовательности в истории науки, характеризующиеся «непрерывностью, связывающей их элементы в единое целое... Программа складывается из методологических правил, часть из них – это правила, указывающие, каких путей исследования нужно избегать (отрицательная эвристика), другая часть – это правила, указывающие, какие пути надо избирать и как по ним идти (положительная эвристика)» [2, с. 79]. Правила эти, как признавали и Поппер, и Лакатос, в конечном счете имеют *метафизический* характер.

Современные российские исследователи нередко полагают понятия «парадигма» и «исследовательская программа» близкими и не делают между ними особых различий [3, с. 55]. Однако, на наш взгляд, это не вполне правомерно. Действительно, уже из определения исследовательской программы очевидно, что в интерпретации Лакатоса наука – это гораздо более аккумулятивный и одновременно многовариантный процесс, нежели виделось Куну. За счет «защитного пояса» вспомогательных гипотез «твердое ядро» программы долгое время успешно прикрывается от контрпримеров. Но даже когда программа перестает предсказывать новые факты, функции защитного пояса все чаще выполняют *ad hoc* гипотезы, и ее ядро начинает разрушаться, у него остается шанс не только измениться под воздействием альтернативных программ, но и оказать существенное воздействие на них. Дело в том, что «история науки была и будет историей соперничества исследовательских программ (или, если угодно, «парадигм»), но она не была... чередованием периодов нормальной науки... здесь я ... не согласен с Куном» [2, с. 117].

При этом, критикуя марксизм и фрейдизм как регрессивные программы, по его мнению, не способные предвидеть новые факты [2, с. 150–151], Лакатос сам вынужден признать, что «ученые, конечно, не всегда правильно оценивают эвристические ситуации..., если ученый из «побежденного» лагеря несколько лет спустя предлагает научное объяснение якобы «решающего эксперимента» в рамках якобы разгромленной программы..., «решающий эксперимент» может превратиться из поражения программы в ее новую победу» [2, с. 147]. Любопытно в связи с этим замечание редакторов журнала «Шпигель» Г.-П. Мартина и Х. Шумана, которые, анализируя разрушение *welfare-state* в условиях глобализации, подчеркивают, что «через сто лет после смерти Карла Маркса капитализм вновь устремился в направлении, которое этот экономист... так точно описал для своего времени» [4, с. 25]. Интересно также замечание Лакатоса о том, что «наука как таковая может рассматриваться как гигантская исследовательская программа, подчиняющаяся основному эвристическому правилу Поппера: «Выдвигай гипотезы, имеющие большее эмпирическое содержание, чем у предшествующих» [2, с. 79]. Но если оставить за скобками очевидные слабости наивно-фальсификационистской методологии Поппера, признаваемые, кстати, и Лакатосом, это означает именно то,

что *наука как таковая* развивается главным образом в русле «реалистической парадигмы», результатом эволюции которой стала продолжившая свое развитие в конце XX – начале XXI века марксистская теория [5, 6, 7].

Реалистическая общенаучная «парадигма» в современной гуманитаристике представлена двумя конкурирующими и дополняющими друг друга социально-гуманитарными «метопарадигмами» – *натуралистической* и *культур-центристской*. По мнению ряда авторитетных исследователей, именно «эти программы следует признать основными в методологии обществознания» [3, с. 63]. Таким образом, действительное развитие социально-гуманитарного знания в XX–XXI веках демонстрирует нам ситуацию сосуществования различных парадигм, казавшуюся Куну весьма маловероятной, но в целом соответствующую модели Лакатоса.

Главными чертами – по сути, метафизическими правилами, составляющими основу данных исследовательских программ, – являются следующие.

Натуралистическая программа утверждает, что социальный мир рационален и может быть уподоблен вещам. Соответственно, ведущее методологическое средство здесь – объяснение социальных фактов как вещей, как тождественных, среднетипичных явлений посредством выявления закономерностей, имеющих общий характер.

Натуралистическая программа претерпела кризис на рубеже XIX–XX веков, когда культур-центристская программа, открыв новую онтологическую реальность – культуру, указала границы применимости натуралистического подхода; однако в последние десятилетия представители натуралистического подхода вновь существенно активизировались, в частности, в связи с открытиями в социобиологии и нейронауках.

Культур-центристская программа утверждает, что социальный мир как минимум не вполне рационален; она открывает культуру как логически первый объект наук о человеке и обществе, уподобляет социальный мир человеку, настаивает на включении в его научную характеристику ценностей субъекта. Соответственно, ведущее методологическое средство здесь – понимание социальных фактов как нетождественных посредством выявления их уникальных смыслов.

Хотелось бы особо подчеркнуть возможность научной (в смысле упомянутой «реалистической парадигмы») интерпретации достижений культур-центристской программы и ее принципиальную совместимость с программой натуралистической. Действительно, адекватно понятое уникальное всегда можно рассматривать как ключ к среднетипичному, и если натуралистическая программа ориентирована на изучение взаимодействия частей «скелета» социальной системы, то культур-центристская – на изучение «мягких тканей» общества [3, с. 62].

Существенной целью этой работы является выявление особенностей практического применения двух указанных «метaparадигм» в работе исследователей в области социально-гуманитарных наук на материале статей, опубликованных в научном журнале «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» в 2013 году. Выбор данного издания определяется тремя обстоятельствами. Во-первых, его междисциплинарным характером и широкой географической представленностью авторов, что позволяет в какой-то мере репрезентировать состояние всего комплекса современных социально-гуманитарных наук в России и отчасти за рубежом. Во-вторых, относительной «молодостью» и неангажированностью журнала (он издается с 2010 года). Наконец, в-третьих, автор данной статьи исполняет обязанности главного редактора этого журнала и имеет некоторый опыт общения с авторами и экспертами статей, работающими в формате разных исследовательских программ. В рамках данного исследования мы остановимся на статьях социологов и психологов, поскольку, по общему признанию, эти традиционные отрасли социально-гуманитарного знания наиболее близки к условной границе, отделяющей его от естествознания, а соответствующие авторы реже, чем профессиональные философы, отдают себе отчет в тех метафизических, «парадигмальных» основаниях, от которых отталкиваются в своей исследовательской работе.

Была проанализирована 41 статья. Исходя из описанных выше критериев в этой выборке, разумеется с большой долей условности, можно выделить три группы статей. К первой следует отнести работы, выполненные в основном в русле натуралистической «метaparадигмы» (4 работы, 9,8 % от их общего количества). Насколько можно судить по представленным текстам, авторы этих статей исходят из возможности рационального объяснения социальных феноменов, ориентированы на выявление неких общих закономерностей, как правило, применяют достаточно сложные математические методы обработки эмпирических исследований. В качестве примера можно привести работу А.А. Баталина [8]. Работа нацелена на выявление общих закономерностей, демонстрирующих зависимость состояния сна от аспектов мотивации. Выявив соответствующую закономерность в ходе эмпирического исследования, автор определяет в качестве перспективы изучения взаимосвязей мотивации и качества сна человека изучение различных клинических групп, например лиц, перенесших психическую травму, лиц, страдающих бессонницей, лиц с патологической мотивацией. Еще один пример этого рода – работа психолога из Удмуртии О.А. Жученко [9]. Цель исследования, определенная автором, – выявление особенностей саморегуляции студентов с разной направленностью компонентов прогноза исхода стрессогенной ситуации. В работе использовались психодиагностические и математические методы. По мнению автора, выявленные на значительной выборке испытуемых закономерности позволяют

целенаправленно развивать процессы саморегуляции и повышать адекватность прогноза исхода ситуации в стрессогенных условиях с целью уменьшения подверженности стрессорам. Очевидно, что авторы данных работ в качестве преобладающих выделяют психофизиологические и поведенческие аспекты психики, стремятся выявить общие закономерности, управляющие среднетипичным поведением человеческих индивидов в норме и патологии.

Ко второй группе относятся работы, выполненные на стыке указанных «метaparадигм» (13 статей, 31,7 %). Так, в работе пермских психологов А.А. Никитина и М.В. Макаровой [10] в первую очередь показаны статистически значимые различия в интеллектуальной готовности детей из полных и неполных семей в логическом мышлении; кратковременной и долговременной памяти; в переключаемости и распределении внимания; в общей структуре мыслительной деятельности (обобщение рядов понятий широкого объема, классификация, обобщение рядов конкретных понятий при помощи родовых понятий, конкретизация понятий). Вместе с тем детская психика интересует авторов и в ее социальном, душевно-духовном аспекте: авторы приходят к выводу, что «главное в психическом и интеллектуальном развитии ребенка... достижение душевного единения, нравственной связи родителей с ребенком» [9, с. 88]. Работа социолога из Беларуси Е.С. Бабосовой нацелена на выявление факторов, положительно и отрицательно влияющих на инновационную активность молодежи, объяснение феномена отставания по уровню социально-экономического и технологического развития Беларуси от развитых стран; приводится обширный корпус эмпирических данных. Вместе с тем автор исходит в своем анализе из широкого социально-культурного контекста, в котором живут и действуют молодые белорусы, сосредоточивается на исследовании их ценностных ориентаций и мотивации [11]. К такого рода комплексным работам можно отнести и две работы пермских социологов И.А. Германова, Е.Б. Плотниковой и К.А. Петухова. Обе работы представляют собой в первую очередь «объясняющие» эмпирические исследования, использующие количественные социологические методы. Вместе с тем авторы рассматривают изучаемые ими социальные факты в широком культурном контексте [12, 13].

Наконец, к третьей группе мы относим работы, выполненные в основном в русле культур-центристской «метaparадигмы». Эта группа оказалась самой многочисленной: 24 работы, или 58,5 % от их общего количества. Например, работа психолога Д.Г. Трунова направлена на изучение специфики суицидогенной ситуации. Автор исходит из феноменологической методологии, позволяющей концентрировать внимание на видении ситуации, которое дает сам человек. Феноменолога интересует, как человек описывает свое состояние, свой внутренний мир. Главная цель феноменолога – понимание человека (а не объяснение его проблемы), помощь ему в описании его виде-

ния кризисной ситуации, в подборе нужных слов для выражения его переживаний, его отношения к событиям. Такой многомерный подход позволяет увидеть не только внешнюю, видимую всем сторону суицида, но и его сугубо личностные глубины, которые, как правило, скрыты от окружающих, хотя, по мнению автора, имеют гораздо большее значение в суицидальной мотивации [14]. В русле «понимающей», интерпретативной социологии выполнены работы саратовского социолога Ю.В. Ставропольского и социолога из Адыгеи Ф.Р. Хагур [15, 16].

Проведенный анализ категорий «парадигма» и «научная исследовательская программа», являющихся базовыми для современной философии и методологии науки, демонстрирует существенные различия в содержании как самих этих понятий, так и в альтернативных моделях развития науки, предложенных Т. Куном и И. Лакатосом. Отождествлять эти понятия, по мнению автора, нецелесообразно. Модель развития науки, предложенная И. Лакатосом, представляется более адекватной. Показано, что многообразии конкурирующих исследовательских программ особенно характерно для социально-гуманитарных наук. Однако будучи *научными*, все они должны рассматриваться в качестве элементов общенаучной «реалистической парадигмы». Последняя же в рамках современной гуманитаристики представлена двумя крупными исследовательскими программами: натуралистической (объясняющей типичное) и культур-центристской (понимающей уникальное). Эмпирический материал, характеризующий особенности применения данных программ современными учеными-гуманитариями, свидетельствует, что тенденция к взаимному дополнению парадигм как в теоретических, так и в эмпирических исследованиях в настоящее время является определяющей. С одной стороны, натуралистическая исследовательская программа может репрезентироваться и на такой объект изучения, как культура. С другой стороны, культур-центристская программа указывает на пределы применимости натурализма не только в социально-гуманитарных науках, но и в естествознании в связи с тем, что факты всегда теоретически выделяются и обрабатываются исследователями в определенном социокультурном контексте.

Список литературы

1. Кун Т. Структура научных революций. – М.: АСТ, 2001. – 608 с.
2. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. – М.: Медиум, 1995. – 236 с.
3. Социальные знания и социальные изменения / В.Г. Федотова, В.Б. Власова [и др.]; Ин-т философии РАН. – М., 2001. – 284 с.

4. Мартин Г-П., Шуманн Х. Западная глобализация: атака на процветание и демократию. – М.: Альпина, 2001. – 335 с.
5. Фромм Э. Марксова концепция человека // Фромм Э. Душа человека. – М.: Республика, 1992. – С. 375–414.
6. Орлов В.В. История человеческого интеллекта / Перм. ун-т. – Пермь, 1998. – Ч. 1, 2. – 182 с.
7. Жижек С. 13 опытов о Ленине. – М.: Ad Marginem, 2003. – 87 с.
8. Баталин А.А. Связь качества сна человека и мотивации, организующей деятельность // Вестник Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология. – 2013. – № 1. – С. 124–130.
9. Жученко О.А. Особенности саморегуляции студентов с разной направленностью компонентов при прогнозе исхода экзаменационной ситуации // Вестник Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология. – 2013. – № 2. – С. 137–141.
10. Никитин А.А., Макарова М.В. Сравнительный анализ интеллектуальной готовности дошкольников к школьному обучению // Вестник Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология. – 2013. – № 1. – С. 84–88.
11. Бабосова Е.С. Инновационная активность молодежи: особенности и перспективы // Вестник Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология. – 2013. – № 3. – С. 144–154.
12. Германов И.А., Плотникова Е.Б. Инновационный потенциал населения малых городов // Вестник Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология. – 2013. – № 2. – С. 147–154.
13. Петухов К.А. Паттерны потребления алкоголя в Пермском крае // Вестник Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология. – 2013. – № 2. – С. 155–161.
14. Трунов Д.Г. Причинный анализ суицидальной активности // Вестник Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология. – 2013. – № 2. – С. 121–127.
15. Ставропольский Ю.В. Эссенциальные и нарративные идентичности в интерпретативной социологии // Вестник Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология. – 2013. – № 4. – С. 170–176.
16. Хагур Ф.Р. // Вестник Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология. – 2013. – № 4. – С. 177–182.

Получено 20.02.2014

A.Y. Vnutskikh

RESEARCH PROGRAMS IN SOCIAL HUMANITIES: INTERPRETATION AND APPLICATION

Analysis of “paradigm” and “research program”, basic for modern philosophy and methodology of science categories, shows significant difference both in the contents of these concepts, and in the essential features of alternative models of science development, proposed by T. Kuhn and I. Lakatos. Variety of competing research programs is the distinctive phenomenon of social science and humanities. However, all these programs are scientific, therefore they should be considered as the elements of general scientific «realistic paradigm». This «paradigm» is represented by two major research programs in modern humanities: the naturalistic and cultural centric. The specificity features of these programs have been defined. the Author provides empirical data characterizing peculiarities of these programs application by the modern scientists.

Keywords: scientific paradigm, scientific revolution, scientific research program, naturalism, cultural centrism.